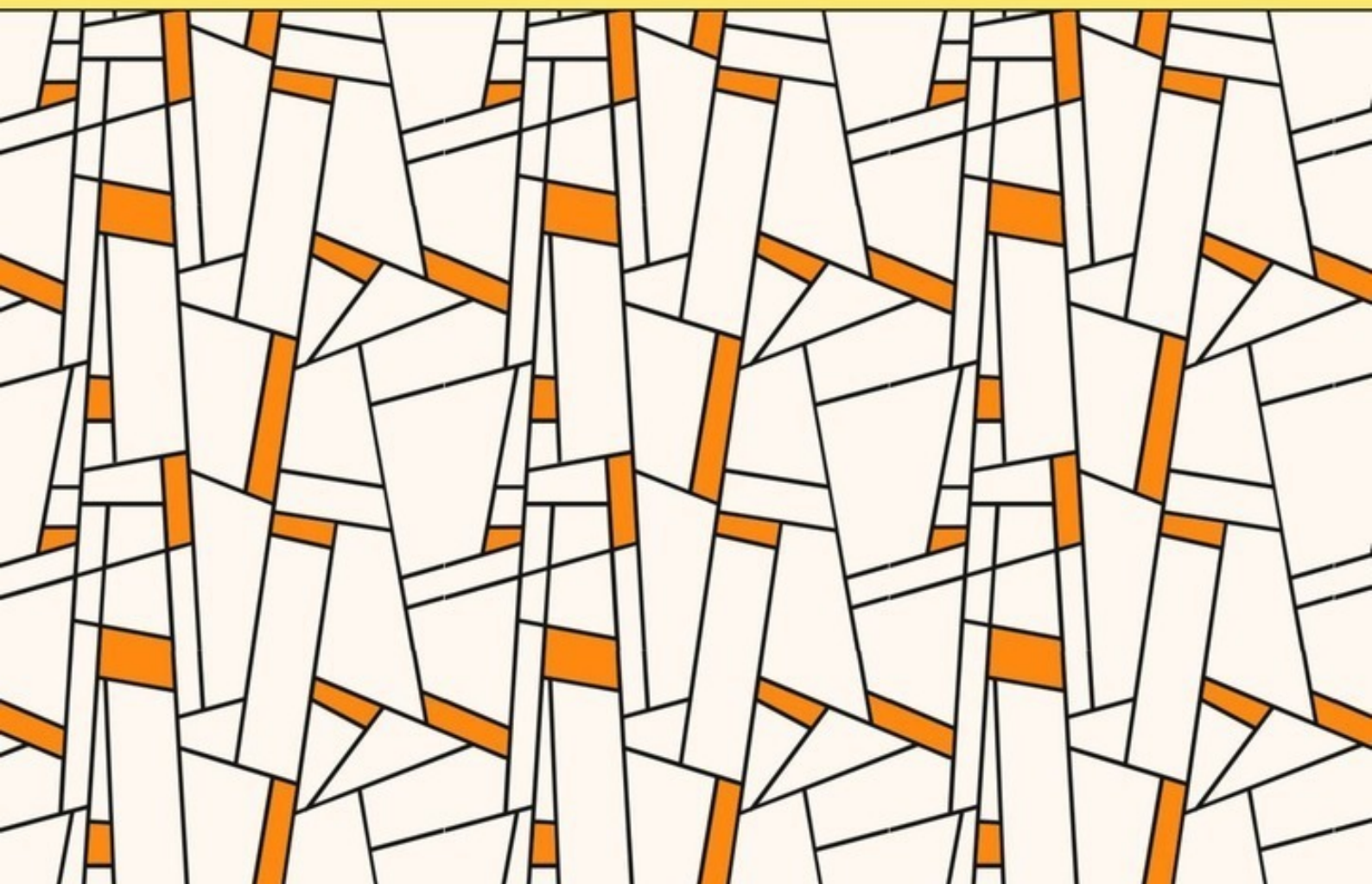

Сергей Степанов-Прошельцев

Нераскаявшиеся каины

Криминал прошлых веков

Сергей Степанов-Прошельцев

**Нераскаявшиеся кайны.
Криминал прошлых веков**

«Издательские решения»

Степанов-Прошелецев С.

Нераскаявшиеся каины. Криминал прошлых веков / С. Степанов-Прошелецев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500150-4

Очерки о преступности в старину, начиная со средневековья и кончая советским беспределом. Отдельная глава — о большом терроре на Нижегородчине.

ISBN 978-5-00-500150-4

© Степанов-Прошелецев С.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая. При царях-императорах	6
КОЛДУЙ, БАБА, КОЛДУЙ, ДЕД!	6
СЛОВА И ДЕЛА БАНДИТСКИЕ	8
РАЗБОЙНИЧИЙ МАТРИАРХАТ	12
СИЯТЕЛЬНЫЕ САДИСТЫ	14
Другие Салтыковы	16
ЛЕВЫЕ ДЕНЬГИ	18
«ЧЕРВОННЫЕ ВАЛЕТЫ»	20
НЕДОСОЛ	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Нераскаявшиеся кайны Криминал прошлых веков

Сергей Степанов-Прошелец

© Сергей Степанов-Прошелец, 2019

ISBN 978-5-0050-0150-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Преступность зародилась еще в библейские времена, когда Каин убил Авеля. Хотя, наверное, еще раньше. С тех пор Добро и Зло не прекращают борьбу.

Глава первая. При царях-императорах

КОЛДУЙ, БАБА, КОЛДУЙ, ДЕД!

В борьбе с колдовством, чародейством и заговорами особенно суров был XVII век, когда повсеместно запрещались любые традиционные народные обычаи и праздничные увеселения. Заподозренных в знахарстве и «волибе» на Руси либо сжигали в обложенных соломой срубах, либо отправляли в далекую ссылку.

Веселый Семейка

Дьячок Печерского монастыря Семейка (Семен) Григорьев и думать не мог, что попадет, как кур в ощи́п. Шёл себе однажды в начале марта 1628 года в кремль, в воеводскую канцелярию с каким-то поручением, а на Благовещенской площади Нижнего Новгорода сверток какой-то валяется.

Долго колебался дьячок: поднять, не поднять? Но любопытство пересилило. Решил посмотреть. А там – тетрадка с «рафлями».

Тут нужно сделать небольшое отступление. «Рафли» – это книги или просто разграфленный на клеточки лист бумаги. Каждая клеточка соответствовала определенной цифре, а по цифре, как думали в то время, можно определить, что человека ждет в будущем. Бросил на «рафли» ячменное зерно – вот и все гадание. *«К таким книгам, – писал Николай Костомаров, – принадлежали „Аристотелевы врата“, „Шестокрыл“, „Острономы“, „Зодей“, „Альманах“, „Звездочетье“; сущность последних состояла в отыскании влияния, какое имели на судьбу человека и на обстоятельства его жизни небесные светила, дни, часы... Это были своего рода учебники волшебства».*

Семейка, несмотря на то, что держать у себя «рафли» было крайне опасно, был человеком открытым. Не утерпел – похвастался своей находкой перед монастырским певчим Исихием, а затем и перед старцем Варсонофием. А Варсонофий был, выражаясь современным языком, штатным «стукачом». И вскоре узнали про Семейку не только настоятель, но и патриарх Московский и всея Руси Филарет. Он лично допросил дьячка в своих апартаментах. Рафли попелел сжечь, а Семейку переправить в Печёрский монастырь, где *«сковать в ножные железa, и быти ему монастырских черных службах год».*

Надо сказать, Семейка еще легко отделался.

Вот Досада!

В том же самом 1628 году крестьянин Нижегородского уезда Иван Левашов обвинил в чародействе другого крестьянина, Максима Иванова. *«Давал-де тот Максимко жене моей пить траву, и она-де от той травы умерла», –* говорилось в его челобитной на имя воеводы. Однако архимандрит Рафаило обвинения Левашова опроверг. Он заявил, что жена крестьянина *«умерла судом Божиим, а не от травы».*

Но челобитчик затаил на Иванова злобу лютую. Спустя некоторое время он сдал его властям скрученного по рукам и ногам. Как явствует из следственного дела, якобы Максимко зашел к Левашову *«для конского ж леченья»*, но лошадь после этого, выражаясь современным языком, стала вести себя совершенно неадекватно.

Тут уж с Максимкой не церемонились. Под пыткой он *«поклепал (то есть выдал, – С.С.-П.) пять человек».*

Двое «поклёпанных», не дожидаясь ареста, быстренько сделали ноги, а мордвина Веткаска заковали в цепи как опаснейшего государственного преступника. Он подвергся пыткам

и был замучен до смерти. Максимку Иванова и его сына Родку отправили в ссылку в Пелым. Левашов скончался в ходе судебного разбирательства *«от загустения крови и переполнения ея»*. То ли Максим Иванов действительно наслал на него «порчу», то ли просто совесть замутила, поскольку понял, что обрѣк на страдания невинных...

Но деревня Досада ещё не однажды будет фигурировать в следственных делах о чародействе. Может быть, жили здесь потомственные колдуны, а может быть, ведовство просто было удобным поводом для того, чтобы оклеветать человека?

В 1649 году крестьянин Ивашка Иванов направляет воеводе челобитную, в которой извещает о том, что его брату Илье учинена женою последнего *«скорая поругательная смерть»*. И вдову брата доставляют на «распрос», она признается в том, что действительно мужу своему давала *«корень в квасу, и после того муж на третий день умер»*. Но колдунья оставляла для себя маленькую лазейку. Мол, давала это питьё *«не для смерти, а от привороту, чтоб муж жил с нею в любви»*.

Ивашка Иванов с таким заявлением был не согласен. *«Какая тут любовь! – восклицал он. – У брата моего от тое отравы главу против темени разорвало и очи выломило вон, и утробу разорвало»*.

Но отравительница долго не мучилась: её сожгли в срубе.

Чтоб иным неповадно

Для полноты картины стоит подкрепить процитированные выше архивные документы еще одним «делом о чародействе», датированным 1676 годом. Н. Новомбергский в своей монографии «Врачебное строение в допетровской Руси», изданной в 1907 году в Томске и ставшей сегодня библиографической редкостью, рассказывает о казни пушкаря Панки Ломоносова и его жены Аноски. Они были осуждены по указу, повелевавшему *«дать им отца духовного и сказать им их вину в торговый день при многих людях, и казнить смертью, сжечь в срубе, чтоб иным неповадно было так воровать и людей корнем до смерти отравлять»*.

СЛОВА И ДЕЛА БАНДИТСКИЕ

В 1742 году, на Макарьевской ярмарке начались дерзкие ограбления. Неистощим был на выдумку Ванька Каин.

Месть за обиду

В 1779 году вышла в свет повесть Матвея Комарова «История Ваньки Каина». Однако её герой не забыт. Популярный в конце XIX – начале XX веков историк и писатель Даниил Мордовцев объяснял этот феномен тем, что знаменитый вор вместе с Гришкой Отрепьевым, Стенькой Разиным, Мазепой и Пугачевым был предан церковной анафеме, а у народа обиженные всегда вызвали сострадание. Но, наверное, разгадка в другом: слишком яркие это были личности.

Ванька Каин (на самом деле его звали Иваном Осиповым) родился в 1718 году в крестьянской семье под Ростовом в селе Иваново (ныне Иваново-Рудаково Ярославской области). Тринадцатилетним подростком его отправили в Москву в услужение к купцу Петру Филатьеву.

Тот жил на широкую ногу: дом высокий, каменный, амбары, сад фруктовый. Но скуп был купец – держал своих холопов впроголодь. И не выдержал Ванька – проник в погреб, где припасы хранились, где и был пойман. Хозяин самолично высек его розгами, и затаил на него малец злобу за нанесенную ему обиду.

Однажды Ванька познакомился с вором Камчаткой. Настоящее его имя было Петр Смирной-Закутин (по другим данным, Петр Романов). После смерти отца мать отдала сына работать на фабрику. Потом его забрали в солдаты. Из Казани, где стоял полк, Камчатка сбежал. Он добрался до Москвы, и здесь дезертира ловят. Но Камчатке снова удается сбежать, и он становится членом воровской шайки.

Разные источники по-разному описывают обстоятельства побега Ваньки Каина из дома Филатьева. Несомненно одно: Каин Петра Дмитриевича ограбил. Я ознакомился с подлинником розыскного дела Ваньки Каина, вот его показания: «... *видя его спящего (Филатьева, – С.С.), отважился тронуть в той же спальне стоящего ларца его, из которого взял денег столь довольно, чтоб нести по силе моей было... Висящее же на стене его платье на себя надел, и из дому тот же час не мешкая пошел*». Но Каин не говорит ничего о надписи, оставленной на воротах: «*Пей водку, как гусь, ешь хлеб, как свинья, а работай у тебя черт, а не я*». Вероятно, это придумка. Ванька Каин, по свидетельству современников, не умел ни читать, ни писать.

Первые «подвиги»

Камчатка повёл своего нового друга «под мост Каменный», где кучковались ворье и разная голь кабацкая. И они приняли новичка в свое сообщество – Ванька выставил по этому случаю ведро «зелена вина».

В архивных фондах мне попала еще одна любопытная книжица с очень длинным названием: «*Жизнь и похождения российского Картуша, именуемого Каина, известного мошенника и того ремесла людей сыщика, за раскаяние в злодействе получившего от казны свободу, но за обращение в прежний промысел сосланного вечно на каторжную работу, прежде в Рогервик, а потом в Сибирь, писанная им самим, при Балтийском порте, в 1764 году*». Но это – явная подделка, хотя неизвестный автор, по всей видимости, всё же пользовался какими-то не дошедшими до нас источниками. От имени Ваньки Каина он рассказывает о первом совместном с Камчаткой преступлении – ограблении соседа Филатьева: «*Пришед к попу... отпер в воротах калитку. В то время усмотрел нас церковный сторож, и, вскоча, спрашивал нас: „Что мы за люди, и не воры ли?“*». Тогда товарищ мой ударил его лозою (коромыслом, – С.С.-

П.) ... В покое попа ничего не нашли, кроме попады его сарафан, да долгополый кафтан, я и облачился в него».

Рядом с медведем

Но вскоре после этого люди Филатьева отыскивали Ваньку Каина. Купец приказал посадить его на цепь рядом с медведем. И не кормить – ни того, ни другого. Он думал, что с голодухи медведь съест беглого холопа.

Выручила Ваньку смазливая внешность. Дворовая девка Авдотья давно по нему сохла. Она тайком носила ему еду, а Ванька делился с косолапым. И тот его не трогал.

Однажды Авдотья шепнула Ваньке:

– Барин-то в страхе нонеча. Он солдата одного батогамы потчевал, тот и окочурился враз. Тело его в сухой колодезь бросили, куда сор высыпают.

Первый донос

Утром пришёл к хозяину дома полковник Пашков, давний его знакомый. И решил Филатьев показать ему, как наказывают нерадивых холопов. Но Ванька Каин не лыком шит.

– Слово и дело государево! – крикнул он, когда повели его для показательной порки.

Это были в то время магические слова. Они означали, что человек желает донести о каких-то важных преступлениях. И Пашков, хоть и в дружестве был с хозяином дома, не мог не переправить Ваньку на Лубянку, где размещалась Тайная розыскных дел канцелярия. Он знал: в противном случае его никто не милует, головой ответит.

Московский губернатор, граф Семен Андреевич Салтыков, допросил беглого холопа. Слова его подтвердились. В заброшенном колодце нашли труп солдата, забитого до смерти. И Филатьева взяли под стражу. А Ванька согласно тогдашним законам получил волю вольную. Было ему тогда всего пятнадцать годков.

«Коновод» ворья

Очень быстро Ванька Каин стал главарем воровской шайки, а Камчатка – его подручным. Ум и хитрость вожака были оценены по достоинству. Его называли «коноводом».

Список преступлений Каина в те годы занял в розыском деле едва ли не десяток страниц. На Язуе он грабит дом придворного лекаря Евлиха. Та же участь постигла и хоромы дворцового закройщика Рекса в Немецкой слободе. Следующая же серия грабежей была совершена по наводке уже упоминавшейся Авдотьи, с которой Ванька Каин повстречался случайно. Она указала на дом помещика Татищева, и это преступление отличалось от всех остальных. В нем участвовала... курица, которую перекинули в огород Татищева через забор. Это был повод для того, чтобы разведать обстановку. И ночью шайка проникает в дом помещика, находит в сундуках серебряную утварь, золото, деньги. Но нести поклажу тяжело. Разбойники пробираются к дому генерала Шубина, крадут у него лошадей, забирают столовое серебро, как и все остальное, и благополучно скрываются.

Однако полиция все ближе подбирается к Каину, и он направляется на Волгу, к Макарьеву.

Макарьевские грабежи

На ярмарке в Макарьеволюдно. Идут оживленные торги, и Каин осматривается. Наибольший интерес вызывают у него амбары армянских купцов. Один из них закрывает торговлю и отправляется, чтобы купить мясо. И тогда Ванька Каин затевает самую настоящую провокацию. Он отряжает одного из членов своей шайки к гауптвахте. Тот кричит: «Караул!». Солдаты берут под ружье и незадачливого армянского купца, и каинского посланца. А Каин извещает сторожа, что его хозяин на гауптвахте. Сторож покидает свой пост, шайка вламывается

в амбар и находит немалые деньги. Их зарывают в песок, ставят палатку и начинают торговать разной мелочью, купленной заранее. Полиция и не подозревает, что «купцы» являются на самом деле ворами. А когда арестованного члена шайки отпускают с миром (он заявил, что крикнул «Караул!» по ошибке), дождавшись ночи, Каин с товарищами исчезают, чтобы... снова вернуться.

Дерзость Каина поражает. В колокольном ряду он прячется под прилавком и, выбрав удобную минуту, крадет серебряный оклад иконы. Это тут же было замечено. Ваньку Каина хватают под белы ручки. И он прибегает к уже однажды опробованному способу, кричит:

– Слово и дело!

Каина доставляют к полковнику Редькину, командированному в Макарьев с особым отрядом по сыскным делам. И Каина снова сажают на цепь.

Его выручает Петр Камчатка. Он покупает калачи и раздает их всем, в том числе и Каину. В одном из калачей спрятана отмычка. И Ванька словно растворяется в воздухе.

Он бежит к татарам и находит в их стане мурзу, спящего в своей кибитке. Даже преследуемый Каин «сшучивает шуточку». Он привязывает ногу спящего к стремяни лошади, бьет её нагайкой, и испуганный жеребец скачет во весь опор, унося за собой татарина. А Каин забирает «подголовник» — подушку, на которой спал мурза. В ней — деньги.

Вскоре Ванька Каин снова оказывается в Макарьеве. Там он идет в баню, но сюда с обыском наведывается отряд драгунов. Ваньку задерживают в одних портках, но он заявляет, что в бане у него украли одежду, деньги и паспорт, а сам он — купец, который приехал сюда торговать. И его отпускают.

Каин добирается до Нижнего Новгорода в надежде встретить здесь своих товарищей. И интуиция его не обманула.

«Палочка-выручалочка»

В Нижнем и Москве шайка гостила недолго. Этот визит Каина ознаменовался его очередным арестом. Ограбив в одном из монастырей келью грека Зефира, Каин соблазнился двумя миниатюрными пистолетами. На этом и погорел. Грек опознал их, и по его указке скупщица краденого была арестована. Она выдала место, где находился Ванька Каин. Его тоже взяли под стражу.

Но у Каина есть «палочка-выручалочка» — Петр Камчатка. Он подкупает караульного вахмистра, скупщицу краденого ведут в баню, и она исчезает. А раз нет доносителя — нет и преследования. Так рассуждали тогда в Тайной канцелярии.

Второй поход на Волгу

Каин снова на свободе. Но совершать грабежи в Москве стало опасно. И он вновь направляется на Волгу.

Шайка держит путь к Фролицевой пустыне. По дороге как бы мимоходом грабит цыганского барона. Но затем Каин изменяет первоначальный план. Он поворачивает к Шёлковому затону, расположенному на левом берегу Волги, ниже села Исады. Он отделен от Волги песчаной косой, и «коновод» решает, что это очень удобное место для нападения на плывущие по Волге струи.

Но здесь и своих разбойников навалом. Шайка Каина вливается в ватагу Мишки Зари, в которой насчитывалось до трехсот человек. Лихие люди нападают на винный завод, грабят его, захватывают для выкупа неведомо как оказавшегося здесь «грузинского князя». После этого сподвижники Ваньки Каина скрываются в дремучих Керженских лесах.

Вотчина Шубина

Около месяца «залегала на дне» шайка. Больше Каин выдержать не смог – повёл своих удалцов к Работкам. Село это было пожаловано императрицей Елизаветой бывшему своему фавориту Алексею Шубину, сосланному Анной Иоанновной на Камчатку. Но Елизавета его вернула и осыпала всякими милостями.

Шубин был богат. Каин надеялся взять здесь большую добычу. Но, разведав обстановку, понимает, что грабежу должна предшествовать серьезная подготовка. И следующей весной шайка Ваньки Каина по Владимирскому тракту под видом странников приходит в село Избылец. Здесь Каин покупает четыре лодки и добирается водным путем до Работок. Но Шубина нет, он на охоте. Впрочем, разбойники особо не переживают. Они врываются в его усадьбу, выносят все ценное, а управляющего и приказчика берут в заложники. Убедившись, что за шайкой никто не гонится, Каин отпускает заложников на волю.

После этого Ванька грабил суда на Суре, оставил свой след в селах Языково и Барятино.

Ванька-сыщик

Долго не могли изловить эту шайку. Но, набив карманы золотом и драгоценностями, Ванька Каин решил легализоваться. Он явился в Сыскной приказ с челобитной. *«Сим о себе доношением приношу, – говорилось в ней, – что я забыл страх Божий и смертный час и впал в немалое прегрешение. Будучи в Москве и прочих городах, мошенничал денно и нощно».*

Покаявшись, Ванька Каин приложил к этой бумаге полный список членов своей шайки, в которой насчитывалось больше трех десятков человек, и заявил, что может изловить всех до единого, если ему дадут в распоряжение конвой.

Подумали, поразмыслили в Сыском приказе и приняли предложение разбойника. Дали ему 14 солдат и подъячего Петра Донского. И в первую же ночь Ванька Каин «переловил» многих. Как своих, так и чужих. В разных источниках называются разные цифры – от 30 до 103 человек.

После этой операции Каина стали официально именовать доносителем. Но Ваньку нагло обманули. Ему не выплатили не только премиальных, но даже не компенсировали личных расходов по розыску и поимке преступников. И Ванька разобиделся. Если раньше прикидывался раскаявшимся, то теперь стал мстить своим обидчикам, обвинять их в мздоимстве. И сам занялся вымогательством и шантажом.

Чтобы обезопасить себя, Каин пишет в Сенат челобитную, где сообщает, что бывшие коллеги по сыску возводят на него разные поклепы потому, что завидуют. И Сенат повел. 3 октября 1744 года выходит в свет указ, согласно которому следовало никакие доносы на Каина не принимать!

После этого Ванька стал действовать еще наглее. Он завел себе подручных – Федора Парыгина и Тараса Федорова. Однажды эта троица ворвалась в дом зажиточного крестьянина Еремея Иванова, избива его, отобрала деньги и ценные вещи, да еще и похитила племянницу Иванова. За неё пришлось вносить выкуп.

Крестьянин обратился с жалобой в Тайную канцелярию. Ваньку и его сподвижников арестовали. Под пытками Федоров и Парыгин признались даже в том, чего не совершали. Их сослали в Сибирь, а Ванька был *«нещадно бит плетми»*, но его опять отпустили. В знак признательности он сдал своего закадычного друга Камчатку.

Камчатку сослали в Оренбург, а за Ванькой Каином установили негласное наблюдение. И он в очередной раз попался. Стало ясно, что причастен к похищению 15-летней дочери солдата Коломенского полка Федора Зевакина. И Ваньку Каина взяли под стражу. А на дыбе он рассказал обо всех своих похождениях.

Вынесенный Ваньке смертный приговор за заслуги перед Сыскным приказом все же заменили каторгой. А на забайкальских рудниках Ванька якобы начал слагать песни. Нет, что ни говори, а талантливым был он человеком!

РАЗБОЙНИЧИЙ МАТРИАРХАТ

Случайно это или нет, но едва ли не половину разбойничьих ватаг на Нижегородчине в старину возглавляли женщины. Может быть, они отличались хитростью, осторожно-стью, изобретательностью, могли предвидеть, как будут развиваться события? Может быть, проявляли большую храбрость и жестокость, чем остальные? Так или иначе, но им доверяли бразды правления.

Степанида

Николай Некрасов, когда писал о представительницах прекрасного пола, которые и коня на скаку остановить могли, наверное, зрительно представлял образ нижегородки. Такой, как Степанида Ветлужская.

Её шайка орудовала на Ветлуге и Усте задолго до разинского мятежа. Неподалеку от современных деревень Раскаты и Городище располагался наблюдательный пункт лихой ватаги – на шихане (так местные жители называют холмы) Бабыя гора. Отсюда, как на ладони, открывалась вся панорама судоходства на реках. Здесь же, как гласит предание, и зарыты награбленные сокровища. «Черные копатели» до сих пор ищут их, но, увы, безуспешно.

У Степаниды было под началом 12 молодцов. Пять раз нижегородские воеводы принимали попытки выкурить их из глубоких пещер в крутом обрыве холма. Но даже пушки не помогали. Разбойники по прорытым ими подземным ходам уходили в дремучие леса, а там в буреломе чёрт ногу сломит.

Но на шестой раз стрельцы сумели тайно перекрыть все пути-дороги, ведущие в непролазную чащу. И Степанида, оставшись одна (все её сподвижники были перебиты), бросилась с кручи в Ветлугу. Она знала, что в противном случае её ждут мучительные пытки и не менее мучительная казнь.

Семейные бандформирования

Как попадали женщины в разбойничьи ватаги? Поначалу удалыцы находили себе зазнобу, которая в случае необходимости могла спрятать своего возлюбленного от розыска или погони. Некоторые из них становились потом верными спутницами душегубов и делили с ними все невзгоды тяжелой, но зато вольной, лесной жизни.

Архивные документы рассказывают: только на Фадеевых горах близ села Бармина в 50-х годах XVII века в землянках проживали *«шесть баб мужних и две девицы, освидетельствованы же как уже розжавшие»*. Они готовили пищу, стирали белье, но появившиеся на свет младенцы из-за суровых условий и антисанитарии, как правило, погибали. И, погоревав, «бабы мужние» вместе со своими избранниками начинали заниматься грабежами. И проявляли порой себя на этом поприще так, что разбойники волей-неволей признавали их превосходство и выбирали своими лидерами. А чтобы самоутвердиться, новоиспеченные атаманши старались козырнуть невиданной дотоле удалью и жестокостью.

Одной из самых крутых женщин-атаманш была Катерина, шайка которой действовала в лесах между селами Нерядово и Демешкино. Там до сих пор один из оврагов называют Катерининым, хотя и недобрую память она о себе оставила. Здесь тоже якобы зарыты награбленные сокровища, а их охраняют черепа и скелеты убитых купцов – Катерина никого не щадила, никого в живых не оставляла, даже малых ребятишек. Но заговорённые клады никому не даются в руки...

Не меньшей жестокостью отличались и боевики банды Натальи-старицы. Формировалась она совсем по другому принципу: мать-атаманша, женщина уже немолодая, но крепкая и расчетливая, призвала под разбойничье знамя восьмерых своих сыновей. Смерть ждала всякого,

кто показывался ночью на дороге, ведущей из Муром в Арзамас, да и тех, кто решил переждать до утра у обочины тракта.

С семейной воровской шайкой долго не могли справиться. Застигли каратели её врасплох, когда разбойники расположились на ночлег. Избу, где они остановились, подпалили с четырех сторон, и Наталья с сыновьями сгорела заживо.

Семейной была и банда сестер Ульяны и Прасковьи. Они устроили свое тщательно замаскированное логово в лесах под Балахной, нападая время от времени на проходившие мимо купеческие суда. Облавы, которые устраивали стрельцы, заканчивались тем, что разбойницы ускользали одними им ведомыми звериными тропами.

И все же балахнинский воевода перехитрил коварных сестриц. Он пустил по Волге совершенно не охраняемый, на первый взгляд, караван торговых судов. Но как только волжские пираты под предводительством лихих атаманш пошли на abordаж, из укрытия выскочили затаившиеся стрельцы и открыли беспорядочную пальбу. Одним из выстрелов Прасковья была убита. А Ульяна, распрощавшись со своими молодцами, согласно людской молве постриглась в монахини. Но вот замолила ли она свои и сестрицны тяжкие грехи – это никому не известно.

СИЯТЕЛЬНЫЕ САДИСТЫ

Три с половиной века назад появилась на свет будущая «соцарица» российская, мать императрицы Анны Иоанновны и бабка регентши малолетнего монарха Ивана Антоновича, Анны Леопольдовны, Прасковья Федоровна Салтыкова. Род этот прославился прежде всего своими зверствами.

Ладный, складный, до крови жадный

Род Салтыковых ведет свой отсчет от «*мужа честна из Прусс*» (Пруссии, – С.С.-П.), поступившего на службу к московским князьям еще в XIII веке. От него пошли боярские династии Туши и Морозовых. Потом от Морозовых отпочковались Салтыковы (одного из Морозовых, Михаила, прозвали Салтыком, что значило «ладный», «складный»).

Потомок Михаила Ивановича, по прозвищу Кривой, поддержал Лжедмитрия I и вынужден был бежать в Польшу. А вот племянник его, Федор Салтыков, примеру дяди не последовал и принял российское подданство. Царь Алексей Михайлович назначил его воеводой в Нижний Новгород. Случилось это в ноябре 1663 года.

Городовой воевода в то время какого-то определенного жалования не получал. И все они без исключения запускали руку в казну. А уж как свирепствовали – про то разговор отдельный. И кнутами пороли по их указке за самую малую провинность, и вешали «*за татьбу и разбой*», и головы заплочных дел мастера рубить уставали.

Федор Салтыков, как и его предок, Михаил Иванович, тоже был «ладный» и «складный», но еще и, как говаривали его современники, «до крови жадный». Участников так называемого Медного бунта в Москве Сидора Лапнинского, Михаила Артемьева, Микулу Харламова и Григория Логинова самолично кнутом сеёк принародно, ответственную работу эту палачу не доверил. Да и в другие дни, что называется, в охотку брался за кнут. Кожа потом с тела «*ремнями сходила*».

Забавы императрицы

Дочь Салтыкова, Прасковья Федоровна, в 1684 году стала женой 18-летнего брата Петра I, Ивана, который, как и Петр, считался государем. Только вот был он «скорбный головою», то есть, выражаясь современным языком, олигофреном.

В 1696 году Иван скоропостижно скончался. «Соцарица» (другой «соцарицей» была супруга Петра I Евдокия Лопухина) с тремя малолетними дочерьми была взята под домашний арест в подмосковном селе Измайлове. Наведываться сюда разрешали только первенцу Петра Алексею, митрополиту Иллариону Суздальскому, уроженцу села Кириково Нижегородской губернии, да приказчику Аргамакову (Прасковья Федоровна имела большое вотчинное владение под Арзамасом). Позже он станет любовником царской вдовы. Когда тайное стало явным, Аргамакова сослали в Нижний Новгород.

Обладала ли экс-«соцарица» какими-то садистскими наклонностями, доподлинно неизвестно. А вот дочь ее, 37-летняя курляндская герцогиня Анна Иоанновна (ей российский трон достался благодаря дворцовым интригам), показала себя во всей красе.

Первым делом она издала указ, согласно которому тот, кто ронял на пол монету с портретом императрицы, подлежал наказанию батогами. Нельзя было и шептаться в присутствии третьего лица. По его доносу следствие возбуждала Тайная канцелярия. А уж если попал туда, живым не выйти. Впрочем, привлекали к суду даже тех, кто на каких-либо торжествах выпивал меньше бокала вина за здоровье императрицы.

16 декабря 1736 года в Нижний пришла депеша, подписанная Анной Иоановной. «Для пополнения царских зверинцев» требовалось отловить 60 лосей и оленей и в спешном порядке отправить их в Петербург.

Указ императрицы был исполнен. Но лоси и олени в зверинцы так и не попали. «Порфиноносная Диана», как ее называли придворные пииты, повелела выпустить бедных животных в парке и сама же их перестреляла. Всех до единого.

Нередко императрица заглядывала в пыточную. Какое-то *«непреходящее наслаждение»* как выразился её биограф, испытывала Анна Иоанновна, глядя, как подозреваемых в *«злом умысле»* и тех, кто допускал *«непотребные разговоры»*, подвешивали в *«хомуте с вывихом членов и битьем кнутом»*, как дробили в тисках пальцы рук и ног или, *«наложса на голову веревку и просунув кляп, вертели так, что пытаемый изумленным бывал»*. Не пропускала императрица и прочих экзекуций: когда осужденного вели на плаху или на виселицу, когда клеймили преступника, резали ему ноздри.

Она своего добились. Повсюду в России сновали шпионы и соглядатаи, страх сделался постоянным спутником каждого – и вельможи, и простолюдина. Этот кошмар продолжался почти десять лет – до самой кончины императрицы.

Другие Салтыковы

История сохранила немало имен представителей рода Салтыковых. И, как ни странно, почти все они отличались свирепым нравом.

Александр Меншиков, всесильный фаворит Петра I, первый российский генералиссимус, был смещён со всех своих постов внуком Петра, Петром II. Арестовал генералиссимуса не кто иной, как майор гвардии Салтыков. Светлейший князь был крепко побит.

Больше других известен брат отца Прасковьи Федоровны, дипломат Василий Петрович Салтыков, владевший селом Выездная Слобода под Арзамасом. Он был посланником при дворе короля Людовика XVI, видел, как казнили монарха, но когда Россия разорвала отношения с революционной Францией, остался не у дел и начал срывать злость на своих крепостных. Как-то не верится даже, что человек, который общался с королями, герцогами и графам, прекрасно знал несколько европейских языков, правила этикета, славился своей галантностью и был неотразимым светским львом, мог снизойти до того, что сам до полусмерти порол крестьян, которые вовремя не платили оброк.

Кровавая Барыня

Самая известная из всех Салтыковых — Дарья Николаевна. В 1756 году она неожиданно овдовела, оставшись полновластной хозяйкой нескольких деревень, где проживало 600 душ крепостных. Не исключено, что Кровавая Барыня сама свела мужа в могилу и потребность убивать стала для нее такой же естественной, как прием пищи или утоление жажды. Поведение её стало неконтролируемым, гнев — необузданным, стремление причинить боль другому — постоянным.

Достаточно было заметить пятно на выстиранном белье – и на несчастную прачку обрушивалось все, что попадалось под руку: утюг, полено, скалка, ухват, сковорода. Но простой экзекуцией дело не кончалось. Полумертвую женщину Салтычиха приказывала слугам забить до смерти на глазах других холопов. Участь ослушника была предрешена – он в этом случае тоже лишался жизни. Поэтому все приказы помещицы выполнялись беспрекословно.

Крепостные пытались жаловаться, но Кровавая Барыня подкупала судейских и, узнав имена тех, кто писал петиции, подвергала их изощренным пыткам: поджигала волосы на голове, заживо бросала в котел с кипящей водой, рвала тело раскаленными щипцами. Не чуралась и каннибализма. Особым деликатесом для нее были жареные с грибами женские груди. Это была самая настоящая маньячка.

Кошмар в ее имении продолжался шесть лет. Только в 1762 году Екатерина II наконец-то соизволила дать ход жалобе крепостного, у которого Салтычиха убила одну за другой трех его жен. И чиновники юстиц-коллегии пришли в ужас: выяснилось, что сумасшедшая помещица загубила 138 невинных душ. Причем не только своих крепостных, но и таких же, как она, дворян. В их числе были, например, отставной любовник Кровавой Барыни граф Тютчев и его невеста.

Жуткие подробности преступлений Салтычихи привели в ужас всю Россию. Она приказывала сечь беременных женщин, наблюдая, как у них в это время случались выкидыши, привязывала к столбу раздетых догола мужчин и держала их всю ночь на лютom морозе, а наутро поливала кипятком... В общем, фантазия у нее была неуёмной. Такое нормальному человеку в голову прийти просто не может.

Маньячке был вынесен смертный приговор, поскольку *«она немалое число людей своих мужска и женска пола бесчеловечно, мучительски убивала до смерти»*. Но приговор не вступил в силу – его заменили пожизненным заключением и стоянием в течение часа у позорного столба.

Поразительна живучесть этой маньячки. 11 лет просидела она в грязной яме, пока её не перевели в кирпичную клетку, пристроенную к монастырской стене. Но и тут проявилась ее звериная натура. Если кто-то подходил к клетке близко, слышал только матерные слова, да сквозь решетку окна просовывалась рука, намереваясь схватить проходящего за одежду.

Салтычиху бдительно охраняли. Но она все-таки сумела соблазнить караульного и забеременела. Ей в то время было... 50 лет.

Солдата приговорили к наказанию шприцрутенами и отправили в штрафную роту. Младенца у Кровавой Барыни, которая, кстати, прожила после этого еще 21 год, отняли, судьба его неизвестна.

ЛЕВЫЕ ДЕНЬГИ

Первый звонок

Под самый занавес 1818 года Александр Семенович Крюков был назначен нижегородским губернатором. Александр I знал своего назначенца давно. Крюков служил в конной гвардии, двенадцать лет был директором Государственного заемного банка. Растроганный честностью и преданностью Александра Семеновича, император пожаловал ему бриллиантовый перстень со своей руки.

Но пост губернатора достался Крюкову не сразу. Сначала он был вице-губернатором, то есть помощником Андрея Руновского. А тут – Отечественная война 1812 года. Вот уж где пришлось подсутиться! Крюков формировал нижегородское ополчение, размещал эвакуированные из Москвы организации, беженцев. Работы хватало, на сон отводилось максимум четыре часа в сутки.

После смерти Руновского Крюков остался в той же должности. Губернатором был назначен Степан Быховец, кстати, родственник Крюкова. И Александр Семенович вдруг покупает большой дом всего за 8 тысяч рублей ассигнациями.

Супруга Крюкова, Елизавета Ивановна, соединила каменный дом с флигелем, а флигель надстроила, и здание сразу же было продано. Маленькая архитектурная переделка принесла Крюковым прибыль в размере 22 тысяч рублей.

Но не успели нижегородцы обсудить эту новость, как её затмила другая. После переноса в Нижний Новгород Макарьевской ярмарки, в губернском центре началось грандиозное строительство. И оказалось, что деньги уходили не на новые гостиницы, постоялые и доходные дома, не на ярмарочные павильоны, а налево. Во время ревизии Нижегородского уездного казначейства были обнаружены огромные по тем временам хищения. Некто Попов, назначенный казначеем, умудрился за шесть лет украсть 730 тысяч рублей! Причем вора-казначея на этот пост рекомендовал в свое время именно Крюков. Контроль за инвестициями, которые рекой потекли в город, был поставлен из рук вон плохо, что непрослительно было для губернатора – бывшего банкира.

Началось следствие. Попова арестовали, и он как-то подозрительно быстро умер в тюрьме во время следствия. Злые языки утверждали, что казнокрада отравили. Но это Крюкова и спасло, император счел возможным оставить прощтрафившегося губернатора на месте. Его отстранил от должности Николай I. Но уже по другому поводу. Сыновья Крюкова были декабристами.

Но Нижний Новгород ждали другие потрясения.

Короленко против Шакала

В апреле 1885 года редактор Казанской газеты «Волжский вестник» Николай Загоскин предложил сотрудничество писателю Владимиру Короленко, возвращавшемуся из сибирской ссылки. Речь шла о журналистских расследованиях. Предложение было лестным. «Волжский вестник» благодаря усилиям историка русского права, профессора Казанского университета Николая Павловича Загоскина, автора многочисленных монографий, был одним из самых читаемых изданий в России. И Короленко, не раздумывая ни минуты, согласился. Именно здесь он публиковал свои статьи и корреспонденции из Нижегородской губернии, которые вызвали большой общественный резонанс. Период с 1886 по 1896 год сегодня называют эпохой Короленко.

Первым объектом своего расследования писатель выбрал Нижегородскую уездную земскую управу. Уж больно одиозной была фигура ее председателя Андреева. За глаза его звали Шакалом. Это действительно был хищник. В уме отказать ему было нельзя, в изворотливо-

сти – тоже. И Короленко, несмотря на отчаянное сопротивление земцев, несмотря на угрозы, довел расследование до логического конца. В небольшой статье «История тёмных денег» он разоблачил махинации Андреева.

Суммы, которые прокручивал председатель земской управы, были не слишком большими. Но он наживался на процентах, выступая в то же время как бы в роли защитника интересов земства. И управа, пораженная его великодушием и патриотизмом, хотя ни то, ни другое в нем и не ночевало, простила Андрееву все его грехи. К сожалению, даже после публикации в «Волжском вестнике» ничего не изменилось.

Такой же характер носило расследование Короленко деятельности пароходного общества «Дружина», которым руководил действительный статский советник Шипов. «Дружину» (её уставной капитал превышал миллион рублей) вдруг ни с того, ни с сего объявили банкротом. Но это, как выяснил Короленко, было банкротством липовым. Спровоцированному краху «Дружины» он посвятил семь обстоятельных статей.

«ЧЕРВОННЫЕ ВАЛЕТЫ»

Эта шайка аферистов орудовала восемь лет, совершив в общей сложности 60 преступлений. Отметилась она в Москве, Санкт-Петербурге, Туле, Тамбове и Нижнем Новгороде.

Шайка была «многопрофильной». Её вожак, Павел Шпеер (Шпейер), объединил под своим началом и карточных шулеров, и банкиров, и нотариусов, и высшую аристократию, и просто проходимцев. Аферы «валетов» поражали своим размахом, наглостью и оригинальностью. Словом, это была классика жанра.

Впрочем, начало деятельности «валетов» было достаточно банальным. Получив информацию о том, что молодой купец Еремеев ушел в запой, мошенники выманили у него долговые расписки, и купчик лишился 150-тысячного состояния. Никаких заявлений в полицию от Еремеева не поступало – он умер от белой горячки.

Потом «валеты» стали действовать более изобретательно. Это относится, например, к акции, которая проводилась в стенах Бутырской тюрьмы. Здесь было налажено производство фальшивых ассигнаций, которые уходили на волю. О том, что Бутырка является гнездом фальшивомонетчиков, полиция даже не могла предположить.

Но самой гениальной аферой «Червонных валетов» следует назвать «Дело о пустых сундуках». Её мошенники провернули с помощью Нижегородской конторы «Российского общества морского, речного и сухопутного страхования и транспортных кладей». Через неё были отправлены в разные города несколько десятков сундуков с «готовым бельем». Каждый из них был оценен в 950 рублей. Но получатели не спешили забирать свои сундуки, и полиция их вскрыла. Каково же было удивление стражей порядка, когда внутри они обнаружили еще один сундук, а в нем – третий. На дне последнего сундучка лежала книга «Воспоминание об императрице Екатерине Второй по случаю открытия ей памятника».

Стали искать получателей, но таковых не оказалось – посылки были отправлены на вымышленные адреса? Но зачем? Ответа не было, и полиция расценила это как дурацкую шутку. Но на самом деле это была хитроумная афера. Деньги «валеты» срубили дважды. Во-первых, они взяли их с книготорговцев, которые рады были избавиться от залежавшегося товара, а во-вторых, – со страховой конторы. Получив расписки на гербовой бумаге об отправке грузов, которые принимались в залог наравне с векселями, мошенники их обналичили.

Еще один любопытный эпизод связан с покупкой дома генерал-губернатора Москвы Долгорукова. Это дело провернул сам Павел Шпеер. Познакомившись с Долгоруковым и производя на него хорошее впечатление, «главный валет» попросил разрешение показать его дворец английскому лорду. Выбрав время, когда хозяина не было, Шпеер вместе со своей будущей жертвой осмотрели дом, а на следующий день англичанин стал разгружать у подъезда мебель. Разразился скандал. Но купчая на дом, который не принадлежал Шпееру, была оформлена по всем правилам и заверена нотариусом. Лорд выложил 100 тысяч рублей. Правда, эта нотариальная контора просуществовала только один день. Что касается главаря мошенников, то он был уже далеко.

Суд над «валетами» состоялся в феврале-марте 1877 года. Всего перед судом предстали, по одним данным, 48, по другим, 45 человек, из них 27 дворян. Их защищали известнейшие адвокаты, в том числе Федор Плевако. Благодаря их усилиям 19 обвиняемых были оправданы. Остальных приговорили к ссылке в Сибирь максимум на два с половиной года.

Говорят, что после оглашения приговора председатель суда получил телеграмму от скрывшегося Шпеера: *«Благодарю за прекрасный спектакль. Я очень доволен».*

НЕДОСОЛ

Грандиозной аферой, не имевшей аналогов в истории России, ознаменовался девятнадцатый век в Нижнем Новгороде. Она была связана с солью.

То, без чего нельзя

Никто не считал, сколько пословиц и поговорок имеют в своей основе слово «соль». Их много. Соль – это то, без чего нельзя, как нельзя без воздуха и воды.

Между тем у русичей, да и не только у них, в древности соль стоила очень дорого. В 1648 году в Москве даже вспыхнул Соляной бунт. За два года до этого правительство обложило дополнительными пошлинами самые ходовые товары. Это коснулось и соли – её цена подскочила с пяти копеек до двух гривен за пуд. А соль в то время была единственным консервантом. Люди не могли представить, как им жить дальше, если не засаливать впрок мясо и рыбу. И пришлось царю идти навстречу бунтовщикам – сбить цену. Иначе бы не поняли. Грозилась порешить его дядьку – боярина Морозова.

Долгое время единственным поставщиком соли было Поморье. И северяне пользовались этим – кто ж от лишних денег откажется? И только, начиная с четырнадцатого-пятнадцатого веков, их монополия была нарушена. Соляные варницы появились в Старой Руссе, Соли-Галиче, в Балахне. Но соль не дешевела. Все было как раз наоборот. В 1662 году пуд соли продавался уже только за серебряные деньги. Нужно было выложить рубль и два алтына.

Соляная столица

В 1705 году Петр I ввел государственную монополию на продажу соли. И Нижний Новгород неожиданно стал главной перевалочной базой. Сюда свозилась вся соль, добытая в стране. Отсюда она распределялась по другим городам.

Соляная контора располагалась тогда на Нижнем базаре. Здание это было деревянное, как и амбары возле Благовещенского монастыря, где хранилась соль. Но после пожара в 1743 году городские власти решили построить здание каменное. Оно появилось только в 1755 году на улице Рождественской и сохранилось в измененном внешнем виде до настоящего времени. Рядом была и пристань. В 1767 году к ней причалила галера «Тверь», на которой путешествовала по Волге императрица Екатерина II.

Но, увы, соляным амбарам не везло с самого начала. То они горели синим пламенем, то здесь происходили совершенно непонятные вещи, объяснить которые просто невозможно. Соль пропадала, как будто её по ночам воровали призраки.

Братцы-хватцы

*«Надежда, светлый луч благого Провиденья!
Веди меня в безвестный край,
В обитель радостей, в обитель утешенья!
С терпеньем понесу я крест любви святой.
Пусть Злоба хитрая смеётся надо мной,
Пусть зависти рука на мне отягощает —
До гроба буду твёрд: со мною Бог! кто смеет
С коварною душой пред Судией стать?..»*

Когда я читал эти строки, написанные в 1822 году, то есть во времена Пушкина, я не верил, что их автор – прожженный мошенник и карточный шулер, сосланный, в конце концов, в забайкальский Нерчинск. Но стихи на то и стихи, что могут обмануть, пленить и не выпустить из своих объятий. Пиит, Василий Вредеревский, обманывал изошренно, жил даже не двойной, а тройной и более жизнями. Как и его брат Алексей.

Но всё по порядку. Братья Вредеревские были выходцами из старинного дворянского рода. Этот род, разделившийся впоследствии на три ветви, происходил от золотордынца Салахмира, который в 1371 году вместе с братом Едуганом (предком дворян Хитрово) принял православие и женился на рязанской княжне Анастасии Ивановне. Правнук Салахмира, боярин Григорий Григорьевич, владел городом Верхдерев, откуда и пошла фамилия Вредеревские.

Василий Вредеревский в 1819 году окончил Московский университетский благородный пансион, преподавал в нём, служил в лейб-гвардии, а потом сменил много мест службы, пока, наконец, не получил должности правителя канцелярии Комиссариатского депутата Военного министерства. Здесь за счет взяток быстро разбогател. Литературным творчеством, причем небезуспешно, занимался активно до 1836 года, а потом резко бросил.

Но вскоре махинации Василия Вредеревского стали известны начальству, и в 1844 году его сослали в Томск на должность председателя Казённой палаты. Слишком много было у жулика влиятельных покровителей, чтобы придать дело гласности. Впрочем, и тут Вредеревский не успокоился, занимаясь все теми же махинациями. И спустя три года его снова перевели на ту же самую должность, только поближе к Москве и Петербургу – в Пермь.

Начал он здесь с того, что построил двухэтажный особняк, который и ныне украшает главную улицу города. Сам в нём не жил – ему было некогда его обустраивать. Он, как гоголевский Чичиков, открыл для себя источник дохода в мертвых душах, получая пенсии на умерших чиновников. А в его доме размещалось Благородное Собрание, был открыт весьма популярный трактир «Славянский базар».

Вредеревский действовал нагло, зная, что ему помогут выпутаться из любой неприятности. И когда в очередной раз воровство раскрылось, мошенника тихо перевели в Нижний Новгород. Все на ту же облюбованную им должность – председателем Казённой палаты. А вскоре здесь оказался и его брат.

Алексей Евграфович тоже был жуликом. Он служил хлебно-провиантским чиновником военного ведомства во время Крымской войны в 1854—1856 годах. И вскоре обнаружилось, что сбывал муку с червями, которую списывали и должны были уничтожать, но Вредеревский-младший этому противился, и денежки за нее клал в собственный карман. Суд разжаловал его в солдаты, сослал в Оренбург. Но тянул Алексей солдатскую лямку совсем недолго. С помощью братца откупился и тоже обосновался в Нижнем.

Паводковая афера

Братцы-хватцы быстро сообразили, как можно извлечь прибыль из ничего. Выгоду им должны были обеспечить... паводки. По одним источникам, 80, по другим – 120 амбаров с солью стояли на берегу Оки, и каждый раз весной вода подступала к их стенам. Так почему бы не воспользоваться этим? Надо просто избавиться от соли пораньше, а потом списать убытки.

Солью распоряжались Василий Вредеревский и пристав соляных запасов Терский. Вредеревский-младший выступал в роли консультанта. И председатель палаты официально заявил, что паводок в очередной раз унес аж 25 амбаров с солью. И вода в Оке, по их словам, а следовательно, и в Волге теперь точно такая же, как, скажем в Балтийском или Чёрном морях.

Возможно, этот номер снова бы прошёл, никто бы не догадался попробовать воду в реке на соленость, но именно тогда правительство Александра II отказалось от государственной монополии на поваренную соль. И министерство финансов разослало всем Казённым палатам бумагу с требованием распродать все запасы соли как можно быстрее, причем по сниженным ценам и даже с рассрочкой платежей.

Это оказалось для мошенников ударом ниже пояса. Продавать было нечего.

Впрочем, братцы-хватцы и Терский всё равно попытались выкрутиться. Они принимали деньги, но выдавали покупателям расписки в том, что выдача соли откладывается до весны.

Расчёт был прост: либо снова провернуть паводковую аферу, либо просто слинять куда-нибудь на Ямайку.

Но и тут жуликов ждал облом. Купец Алексей Губин, который намеревался приобрести двести тысяч пудов соли, пожаловался губернатору Алексею Одинцову. И припугнул: дескать, если не поможете получить давно ожидаемый товар, доложу, куда следует.

Губернатор знал: «куда следует» – это министерство финансов. И ему, Одинцову, конечно же, не поздоровится. И приказал открыть амбары. Но лучше бы он не отдавал такого распоряжения! Одинцова едва кондрашка нехватила: вместо полутора миллионов пудов соли, значащихся в учетных книгах, еще не успели украсть и списать всего пять с половиной тысяч пудов! И волей-неволей пришлось губернатору увольнять всех, кто был причастен к хищениям. Козлом отпущения стал лишь один Терский – он попал за решётку. Вердеревского—старшего снова, как и раньше, прессовать побоялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.